

Марина
СЕРОВА

Цель оправдывает средства

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
Найти то – не знаю что
Серия «Секретный агент Багира»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167140

Цель оправдывает средства. Найти то – не знаю что: Эксмо-Пресс;

М.;

ISBN 5-04-006147-1

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Найти то – не знаю что

Глава 1

Если так дальше пойдет, то моя «крыша» мне скоро опротивеет.

Судя по этой фразе, кто-то может подумать, что я занимаюсь коммерцией. Но это не так. Я не имею никакого отношения ни к коммерции, ни к какому другому «бизнесу» – в том смысле, в котором принято употреблять это слово у нас в стране.

«Бизнес по-русски» – это непременно сотовый телефон и «шестисотый» «Мерседес», хотя в переводе с английского «бизнес» – это всего-навсего дело, а бизнесмен – деловой человек. Так что все мы в этой стране – бизнесмены, кроме пенсионеров и безработных, или, говоря на родном языке, – трудящиеся.

А тружусь я в настолько засекреченном отделе ФСБ, что временами сама об этом не догадываюсь.

Для прикрытия у меня есть другая работа, ее-то я и называю «крышей», поскольку феня в нашей стране скоро станет литературным языком, а литературный язык – феней. Все к этому идет. И если я немного преувеличиваю, то только

потому, что пребываю в отвратительном настроении. И моя «крыша» тому виной.

Дело в том, что официально я являюсь юрисконсультком Комитета солдатских матерей, вернее, – его тарасовского отдела. Но если несколько лет назад я могла этим гордиться, поскольку о нас писали газеты, наша деятельность считалась необходимой и государство ее всячески поощрало, не в силах справиться с беспределом в армии, то теперь благодаря новой установке сверху наша «независимая» пресса готова причислить к лику святых любого генерала уже за одно то, что у него на плечах погоны. И не замечает исходящего от них «серного» духа, принимая его за запах пороха.

Необходима нам армия, кто с этим спорит! Но «неуставные отношения» – не нужны. И не надо путать божий дар с яичницей! И чем больше мы будем изгонять этого «дьявола» из нашей армии, тем скорее она станет действительно замечательной и профессиональной. Но это надо доказывать с пеной у рта, и кое-кто уже начинает вставлять нам палки в колеса! Если раньше генералы боялись моего появления как черт ладана, то теперь иногда пытаются на меня даже покрикивать.

Но не на ту напали! Не родился еще армейский генерал, перед которым я вытянусь по струнке! При случае я могу продемонстрировать такие когти, что будет понятно, за что я получила свое секретное имя – Багира. А именно так называют меня мои секретные товарищи. Вернее, называли, по-

тому что я практически с ними не вижусь – после того как официально ушла из органов и стала секретным агентом.

Но командир у меня остался тот же, что и раньше. Именно он организовал наш секретный отдел, и его я вижу чаще других, хотя и реже, чем мне бы этого хотелось.

Полковник Гром, в миру – Андрей Леонидович Суров, для меня не только командир, но и самый уважаемый и любимый человек на свете. Я могла бы назвать его своим кумиром, но, во-первых, это грех, а во-вторых, с кумиром не ругаются и не соревнуются, а я постоянно делаю и то, и другое.

Хотя ругаются, пожалуй, сильно сказано... Попробуй с ним поругаться! Да и нет у меня повода с ним ругаться, если честно. Просто иногда он бранит меня за безрассудство, а я «тихонько» оправдываюсь.

Ну а насчет «соревнования» – и вовсе дело безнадежное. Он недостижим, как Юпитер для быка. Положа руку на сердце, могу сказать, что просто пытаюсь хоть немного походить на него, но это мне очень редко удается. Потому что Гром – настоящий профессионал своего дела.

Сегодня на службе я получила очередную порцию отрицательных эмоций: пришел официальный ответ на один из моих многочисленных запросов в войсковую часть, в котором меня в очередной раз отфутболили. По этому поводу я и метала громы и молнии. И чтобы немного успокоиться и прийти в себя, решила посвятить вечер своей «тайной страсти» – кулинарии.

И прежде чем отправиться на кухню, в святая святых моей уютной квартиры, я постаралась привести душу в состояние гармонии и покоя. Не сразу, но мне это удалось.

Дело в том, что приступать к приготовлению пищи в плохом настроении нельзя ни в коем случае, поверьте на слово! Вкус пищи на девяносто процентов зависит от того, кто именно ее готовит и сколько души он в это дело вкладывает. И если, работая на кухне, ты мысленно посылаешь ее ко всем чертям, то рискуешь получить на обед нечто полусъедобное. И сам будешь в этом виноват.

Сегодня я собиралась приготовить себе на ужин калью, и больше чем уверена, что многие впервые слышат это слово. И напрасно.

Калья – это что-то среднее между рассольником и ухой, но гораздо вкуснее того и другого. Приготовленная из жирных сортов рыбы, а лучше осетровых, благодаря огуречно-му рассолу и небольшому количеству лимонного сока калья превращается из еды в кушанье! А если добавить туда чуточку маринованных каперсов (наши предки именно так и делали), то банальное застолье можно будет по праву назвать пиршеством!

Собственно говоря, именно баночка маринованных каперсов и навела меня на мысль приготовить это забытое ныне блюдо. А если кто-нибудь не знает, что такое каперсы или путает их с памперсами, то должна сообщить, что это замечательная острая приправа, приготовленная из почек вечно-

зеленого средиземноморского растения.

Все это можно приготовить за какие-то пятнадцать-двадцать минут, если заранее отварить рис. У меня он был, поэтому через полчаса я уже сидела за столом и собиралась совершить грех чревоугодия.

И честно говоря, совершила его и наелась от пуза. Хотя вместо осетрины использовала жирных свежих карпов. В сочетании с горбушей они создают не менее изысканный вкус.

Я уже хотела было побаловать себя чашечкой кофе, когда услышала сигнал сотового телефона. С тех пор, как он появился у меня, я не расстаюсь с ним ни днем ни ночью, хотя его номер по-прежнему не известен никому, кроме человека, подарившего мне это чудо техники конца двадцатого века.

Этим человеком был Гром. И если раздавался сигнал, то это означало одно из двух: либо кто-то ошибся номером, что случается довольно редко, либо Гром выходит со мной на связь, потому что у него есть для меня дело.

И где бы я ни находилась в этот момент, я срываюсь с места и лечу в любую точку нашей страны (а готова полететь хоть в Африку), чтобы приступить к выполнению очередного задания.

На этот раз ожидание не обмануло меня – это был именно Гром.

– Поговорим на дорожку, – сказал он в свойственной ему манере, тем самым сообщив мне половину информации.

Мне уже было понятно, что я должна сегодня же присту-

пить к выполнению задания, которое скорее всего будет связано с дальней поездкой.

– Слушаю, – стараясь быть не менее лаконичной, ответила я.

– Не опоздай в шестую кассу, и до встречи на перроне, – добавил он.

Я подумала, что он тут же повесит трубку. Это вполне могло случиться, но на этот раз он был несколько многословней.

– Не торопись. Ты еще успеешь выпить чашечку кофе, – еще сказал он и только после этого уже действительно повесил трубку.

И я тут же стала собираться в дорогу.

Эти три предложения, по сути, содержали всю необходимую для меня информацию. Разве нет?

Мне нужно, не откладывая, ехать на вокзал, где в шестой кассе на мое имя заказан билет до станции, на перроне которой меня будет ожидать скорее всего сам Гром.

Всю остальную информацию он лично передаст мне из рук в руки, а значит, задание на сей раз было чрезвычайно серьезным и абсолютно секретным.

И времени на сборы у меня, как всегда, не оставалось.

Но у меня всегда наготове стоял мой «тревожный» чемодан. Это название я переняла у Грома, хотя в моем случае это была довольна изящная дорожная сумка с набором одежды на все случаи жизни, оружием и «спецоборудованием».

Проанализировав последнюю фразу Грома, я добавила ко

всему этому элегантное платье, которое при необходимости могло сойти за вечернее.

Одетая и обутая в дорогу, я вернулась на кухню.

Срок «командировки» и пункт ее назначения пока были неизвестны, поэтому я на всякий случай прихватила с собой пакет с «сухим пайком» на пару дней.

Кроме того, я действительно выпила чашечку кофе.

* * *

– На мое имя должен быть билет, – сказала я девушке в окошке кассы.

– В каком направлении? – спросила она меня, но я предпочла не услышать ее вопроса, сделав вид, что отвлеклась на разговор с девочкой, что стояла рядом со мной и теребила подол моей юбки.

Девушка в окошке презрительно фыркнула, но я при всем желании ничем не могла ей помочь. А честно ответить, что не знаю, куда заказала билет, я тем более не могла.

Через пару минут она потребовала мизерную сумму и, получив ее, мстительно прошипела, передавая мне билет:

– Надеюсь-с-сь, все правильно, – сильно нажимая на шипящие.

– Разумеется, – обезоружила я ее доброжелательной улыбкой, от которой она чуть не откусила себе жало.

И только отойдя от кассы на безопасное расстояние, я поз-

волила себе взглянуть на билет.

– «Тарасов–Шабалов», – прочитала я на нем и не поверила своим глазам.

Шабалов – маленький городок в Тарасовской области, до которого рукой подать, но добираться до него крайне неудобно. Поезд, на котором мне предстояло трястись чуть ли не всю ночь, делал такие «круголя», прежде чем оказаться в пункте назначения, что легче было дойти туда пешком.

И я не могла понять, почему не добраться до него на автобусе, если уж Гром решил сэкономить мне несколько сотен и не предложил отправиться туда на такси.

Но, видимо, для этого была веская причина. А приказы не обсуждаются. Это правило я знала назубок. Тем более что я находилась в прекрасном состоянии духа, как всегда, перед возможной встречей с Громом.

Единственное, что немного озадачило меня, – это то, что до отправления поезда оставалось почти два часа. Значит, я не совсем точно поняла фразу Грома про кофе.

– Ну да, сама виновата, – ругала я себя. – Тебе сказали, что можешь не торопиться, а ты помчалась очертя голову! Вот и сиди теперь на вокзале, как баба с арбузами.

Какая баба и почему с арбузами, этого я объяснить не могу, потому что сама не очень поняла, почему это сказала. Но другого сравнения мне просто не пришло в голову.

Совершенно не хотелось спать, когда я наконец села на поезд, взяв у проводницы влажное белье и постелив его на второй полке. Но беседовать о жизни с двумя веселыми подругами, которые возвращались домой после бурно проведенной недели в Тарасове и теперь тешили друг друга воспоминаниями, мне и вовсе не хотелось.

И я приказала себе заснуть, невзирая на их гоготанье и запах дешевых духов.

Проснувшись я за полчаса до прибытия поезда в Шабалов, умылась протухшей водой в туалете, оставила на полотенце серые разводы, содрогнувшись от отвращения, и приготовилась выскочить из вагона, как только поезд остановится.

Когда-то я очень любила поезда, но, отъездив первую сотню тысяч километров по железной дороге, растеряла эту любовь по заброшенным полустанкам. И теперь предпочитаю самый невзрачный самолетик самому роскошному поезду.

Единственная за последние годы поездка, которая оставила у меня незабываемые воспоминания, – эта дорога из Югославии в Россию несколько лет назад, когда мы двое суток находились с Громом в одном купе, пили вино, и он рассказал мне всю свою жизнь.

Никогда прежде и, скорее всего, никогда в будущем у меня уже не будет такой возможности.

Мы переживали тогда не самые лучшие дни: скандал в Югославии заставил нас на время уйти из органов, и, может быть, именно благодаря этому Гром был разговорчив и откровенен со мной, как никогда.

А теперь одна лишь мысль о самом коротком железнодорожном путешествии в состоянии надолго испортить мое настроение. Хотя время от времени мне приходится делать это по долгу службы.

Не успела я поставить ногу на перрон, как меня подхватила сильная рука, и я несколько секунд приспособливалась к размеру шагов моего командира. Шаги были немаленькие даже для его роста, так что мне приходилось иногда совершать прыжки. Технология такого перемещения напоминала старинную забаву под названием «гигантские шаги»; если ты устаешь перебирать ногами, то можешь поджать колени и несколько метров пролететь над землей. Так же и я теперь порхала, повиснув на руке Грома.

Рядом со зданием вокзала он посадил меня на заднее сиденье «газика» защитного цвета и уселся рядом со мной.

– Ну здравствуй, Багира, – улыбнулся он, а я улыбалась с первой секунды пребывания на шабаловской земле, поэтому выражение моего лица не изменилось.

– Привет, – ответила я, разглядывая его квадратный подбородок.

Гром поглядел в сторону, продемонстрировав свой греческий профиль. На его висках прибавилось седых волос, и

он напомнил мне супермена с рекламных роликов сигарет «Кэмел», хотя тот ему и в подметки не годился.

Точно так же и с той же самой улыбкой Гром много лет назад впервые заметил меня в строю, на секретной базе Министерства обороны СССР. С тех пор прошло много лет, молоденькая курсантка превратилась в секретного агента Багиру, а улыбка, когда-то обижавшая меня, стала своеобразным ритуалом при наших нечастых встречах, знаком особого расположения ко мне любимого командира.

– Как прокатилась? – поинтересовался Гром. Это означало, что у нас еще есть время, и я откинулась на спинку сиденья.

– Как на танке, – ответила я, продолжая улыбаться.

– Считай это маленькой репетицией, – сказал Гром, и улыбка исчезла с моего лица.

– Куда? – спросила я, предчувствуя недоброе.

Он достал из кармана железнодорожный билет и передал мне его без лишних слов.

«Шабалов–Владивосток», – прочитала я вслух.

– Отправление через тридцать минут, – уточнил Гром, давая понять, что неофициальная часть на этом закончена. – Тебе предстоит исправить идиотскую ошибку наших коллег. Они полгода «пасут» одну странную фирму и до сих пор не смогли выяснить, чем она занимается. Ясно дело – это наши подопечные. И они собираются сделать подарок нашим японским коллегам.

Мне ужасно хотелось задать сразу несколько вопросов, но я сдерживала себя изо всех сил.

– И они совершенно спокойно передали бы свой подарок, если бы не случайно перехваченная нами фраза из телефонного разговора. Из нее нам стало известно, что их человек выедет из Харькова, и по дате прибытия мы определили поезд. Поэтому задание твое на этот раз почти сказочное: «Найди то – не знаю что». Скорее всего это секретные документы, но полной уверенности у меня нет. Однако в телефонном разговоре они фигурировали как «посылка» и, что удивительно, «весом в четыреста граммов». Надо попробовать вычислить этого человека, ни одной приметы которого я не могу тебе дать, а дальше действовать по обстоятельствам. Важно одно: что бы это ни было, оно ни в коем случае не должно попасть к японцам. На все про все у тебя – неделя. Можно было посадить тебя на поезд в Самаре, но тогда мы потеряли бы сутки.

Гром сделал небольшую паузу, и я тут же воспользовалась ею:

– Но известно хотя бы, в каком он едет вагоне?

– К счастью, да. Иначе бы мы не имели никакого шанса. В поезде тринадцать вагонов, а это почти четыреста человек. Иголку в стогу сена искать легче. Скорее всего он находится в одном с тобой вагоне. Это СВ, и, кроме тебя, в нем едут семнадцать человек.

Гром достал из папки на переднем сиденье листочек раз-

мером с игральную карту и передал его мне:

– Это список всех пассажиров, все, что мы смогли сделать за полдня. Не густо – но, как говорится, чем богаты...

Я спрятала листок в сумочку, продолжая слушать командира.

– На границе наши ребята перерыли весь вагон, но ничего не обнаружили. Хотя с ними были психологи и экстрасенсы.

«Что-то новенькое», – подумала я, поскольку еще полгода назад слово «экстрасенс» вызывало у Грома презрительную гримасу.

– Я совсем не уверен в успехе, – добавил Гром, – но надеюсь на твое чутье...

Я тоже на него надеялась, так как не раз выполняла задания именно благодаря ему, вопреки всем доводам разума.

Гром уточнил еще кое-какие детали задания и возможные средства связи, когда послышался звук приближающегося состава. Он положил мне на плечо руку «на счастье» и уже по-отечески проворчал:

– И без глупостей.

А чтобы смягчить впечатление, добавил уже с улыбкой:

– И, пожалуйста, не пускай под откос состав, неудобно получится...

А на дорожку сообщил о том, что я могу не беспокоиться о своей «крыше», поскольку на столе у моей начальницы уже лежит письмо от Генерального прокурора (ни больше ни меньше) о необходимости моего присутствия в течение де-

сяти дней в столице нашей родины, начиная с сегодняшнего дня.

* * *

Мой новый вагон не шел ни в какое сравнение с тем, в котором я провела предыдущую ночь, и это немного ободрило меня.

Чистые двухместные купе, к вашим услугам газеты и журналы, приветливые проводницы, чай-кофе по первому требованию – все это добавляло пассажирам положительных эмоций.

По дорожным понятиям, было еще даже не раннее утро, поэтому мой сосед по купе дрых на своей полке, и я не стала его будить.

Решив воспользоваться редкой в поезде возможностью остаться в одиночестве, я присела на откидной стульчик рядом со своим купе.

Достав из сумочки список пассажиров, я несколько раз внимательно прошлась по нему, пытаясь «навскидку» определить имена потенциальных «клиентов». Это было не так-то просто, поскольку теоретически каждый из них мог быть моим подопечным, если не подходить к подбору претендентов с излишней строгостью. А с другой стороны, все они были моими согражданами, людьми обыкновенными, и никто из них не был отмечен каиновой печатью. Единственное, что

отличало их от большинства российских трудящихся, – это довольно высокий уровень благосостояния, иначе бы они не оказались в этом дорогом вагоне.

Мне даже удалось составить нечто вроде словесного портрета среднестатистического пассажира вагона СВ. Это мужчина тридцати пяти–сорока лет с образованием не ниже среднего специального, состоящий на службе либо негосударственной, либо сугубо государственной, то есть представитель власти того или иного уровня, или, как теперь говорят, представитель администрации.

Во всем вагоне мне не попалось ни одного врача или учителя, зато в избытке присутствовали коммерсанты всех мастей – от крупных предпринимателей и представителей солидных фирм до челноков.

Женщин ехало всего четыре, включая меня, причем две из них путешествовали с мужьями.

Детей в вагоне не было, стариков и старушек тоже, молодежь была представлена двумя, двадцати с небольшим лет, молодыми людьми, которые занимали отдельное купе. Неизвестно, что они делали в пути, но меня они не очень интересовали, поскольку ехали только до Новосибирска, следовательно, не могли быть связаны с японскими спецслужбами.

Один человек ехал в Самару, двое – в Красноярск. Оставались двенадцать потенциальных «клиентов». У Грома не было точных данных о том, что потенциальный преступник едет в одиночестве. Он вполне допускал, что их может быть и

двое, и трое. Если бы я выбирала посыльного для такого деликатного поручения, то не рисковала бы понапрасну и нашла бы надежного одиночку, не обремененного семьей.

Однако, чтобы задурить нам мозги, эти люди могли принять и парадоксальный ход – послать милую семейную парочку, и в этом тоже просматривалась бы определенная логика.

Чем больше я размышляла на эту тему, тем меньше шансов у меня было «почувствовать» своего противника. Чутье и логика исключают друг друга, и надо либо довериться чутью, либо использовать дедуктивный метод, уподобившись великому Шерлоку Холмсу. Хотя в большинстве случаев преступления раскрываются благодаря логике, интуиции, вещественным доказательствам, нелепым совпадениям и внезапным озарениям. Поэтому я бросила это бессмысленное занятие, тем более что один за другим пассажиры моего вагона начинали просыпаться и проходить мимо меня с той или иной степенью равнодушия или заинтересованности моей персоной.

И я отправилась будить своего соседа.

* * *

После пары часов общения я знала о своем соседе не меньше, чем о Громе, а может быть, и больше, благодаря тому что он являл собой полную противоположность моему

командиру.

Это был длинный небритый мужчина около сорока с шевелюрой неухоженных, густых волос. Довольно симпатичный, с чьей-то точки зрения, но явно не в моем вкусе. Его мягкая интеллигентность граничила с женственностью, а манеры в чем-то грешили чрезмерной безукоризненностью.

Он назвал мне свою профессию буквально через пять минут после нашего знакомства – театральный художник, звали его Андрон. Я сразу поняла, что никакой он не Андрон, а Андрей Шестопалов, потому что больше доверяла сведениям Грома, чем словам случайного попутчика из мира искусств. Мне казалось, что в последнее время прошла мода на славянские посконные имена, но Андрон, видимо, об этом еще не догадывался.

Он возвращался домой из Харькова, где заработал неплохие деньги на оформлении оперного спектакля, не такие большие, чтобы ехать домой в СВ, но достаточные, чтобы почувствовать себя состоятельным на несколько дней.

Андрон не был счастлив в семейной жизни или прикидывался таковым, на всякий случай. Опыт подсказывал мне, что мужчины наедине с эффектной девушкой в двухместном купе часто настроены более критично по отношению к своей «второй половине», а иногда и вовсе забывают о ее существовании.

И когда я ему об этом прозрачно намекнула, он залез на вторую полку с обиженным видом непонятого гения и отвер-

нулся к стенке. Меня это очень даже устраивало, потому что мне давно надоела его утомительная болтовня, и я наслаждалась наступившей тишиной, придумывая себе имидж. А это было дело серьезное и традиционное для секретного агента.

От того, в каком качестве я собиралась предстать перед своими спутниками, во многом зависел успех или неуспех всего моего «предприятия», и тут нельзя было ошибиться. В моем «репертуаре» накопилось с десятков проверенных образов, я мысленно перебирала их один за другим.

При необходимости максимальных контактов лучше других подходил образ «прожигательницы жизни» или «искаательницы приключений», но имел один существенный недостаток: на определенном этапе требовалось остужать не в меру распалившихся мужичков, применяя – в зависимости от ситуации – ту или иную меру воздействия, иногда довольно жесткую.

Менее рискованной в этом смысле была роль «невинной простушки» той или иной степени наивности, граничащей с идиотизмом. На нее тоже охотно клевали представители сильной, но наивной половины человечества. И явным преимуществом было то, что при этом полудебильном создании мужчины могли говорить все что угодно, твердо уверенные в том, что оно все равно ничего не поймет.

«Роковая женщина» – сильный образ, но на любителя. Перевоплотившись, нужно действовать всякий раз с максимальной осторожностью и иметь для этого партнера под

стать этому «крутому» имиджу. Иного роковые черты могут испугать до заикания, и тогда, считай, все пропало.

«Деловая женщина» очень к месту в тех случаях, когда требуется оставаться сторонним наблюдателем. Вот тогда пригодятся и дымчатые очки, и гордая неприступность, и организатор в руках.

«Затурканная семьей и детьми» более подходяща в женской компании да и костюмчика под стать этому образу у меня с собой не было. Хотя я люблю эту роль за эффектный финал. Представляете, когда, весь вечер занятая только ветрянками и коклюшами, неряшливая мамаша достает из-за пазухи «кольт» тридцать восьмого калибра, хотя лично я предпочитаю «магнум».

Была в моем репертуаре и «неформалочка» для молодежных тусовок, любительница выпить на халяву и затянуться травкой, но о ней в этой компании не стоило и вспоминать.

Можно было попробовать роль «начинающего предпринимателя», она прошла бы с небольшими добавочками невинности или авантюренности в зависимости от партнера.

«Фартовая девочка» более подходила для криминала...

«Путана» со знанием иностранных языков годилась только на «экспорт», здесь же, слава богу, не было китайцев.

«Спортсменка», «спиритка», «дочка крутого папаши», «жена дипломата», «комсомолка в душе», «феминистка», «розовая пантера» – была даже такая, – «тихая идиотка», «взбалмошная дура», «непризнанная поэтесса», «загадоч-

ное создание» – образов было сколько угодно... С Андронимом, например, я интуитивно перевоплотилась в «деловую дочь ответственного работника», поэтому он и завял так быстро. Но этот «образок» не лишний, когда тебе предстоит целую неделю провести рядом с неприятным и несимпатичным тебе мужиком, чуть ли не в одной с ним койке. Для остальных он был бы очевидной ошибкой.

«Наблюдающая из кустов нимфа», – назвала я избранный мной образ в первый день путешествия. Это был очень удобный имидж, привлекающий к себе всеобщее внимание, из которого в дальнейшем можно было плавно перейти практически в любой другой. Кто сказал, что «нимфа» не может оказаться полной дурой или же «деловой женщиной»? Нимфы – они разные бывают.

Глава 2

Мне сразу показалось странным, что все места в вагоне были заняты, и оставалось одно свободное место, будто специально для меня. Кроме того, оно находилось в пятом купе да еще ровно посередине вагона!

Всякие бывают в жизни совпадения, но не до такой же степени! Уж больно все удачно складывалось. Не иначе как «наши ребята» постарались. Только каким образом они освободили мне место? Я предполагала несколько вариантов.

Во-первых, они могли кого-то не допустить до поездки, а для этого существует масса способов: человек может внезапно передумать и сдать билет, командировку могут неожиданно отменить, потенциального пассажира, наконец, могут вызвать на военные сборы, ну и так далее, вплоть до несчастного случая. Надеюсь, что к этому средству прибегать на этот раз не пришлось.

Во-вторых, человека могут ссадить с поезда за «неблагоприятное» поведение, но для этого, как минимум, нужно, чтобы пассажир хоть как-то себя проявил. Рассчитывать на это трудно. Можно, конечно, напоить его на вокзале, но это целая операция, а, насколько я понимаю, на это просто не было времени.

Ну и, наконец, пассажира могут высадить таможенники на российско-украинской границе «по подозрению в контра-

банде», и это никого сегодня не удивит. Случается подобное на пространствах СНГ и без вмешательства спецслужб. Через пару часов перед контрабандистом можно вежливо извиниться и даже посадить его на следующий поезд, но его место останется свободным до самого Владивостока, потому что, как говорится, поезд ушел!

Скорее всего именно это и произошло, и оставалось только надеяться, что «наши ребята» не высадили по ошибке того самого курьера, которого мне нужно было обнаружить и «разминировать». Вот было бы забавно!

Я не могла успокоиться, пока не выяснила этого наверняка, и поэтому отвлекла своего соседа от печальных раздумий.

– Андрон, а кто на этой полке ехал до меня? – спросила я его.

Он недоверчиво посмотрел на меня, не понимая причины внезапно произошедшей во мне перемены.

– А его чуть ли не сразу на границе ссадили, мы и по сто граммов выпить не успели, – печально сказал он. – Чего привязались? Сами не знают.

– За что же его, бедного?

– Кто ж тебе скажет? – оживился он и соскочил со своей полки на пол. – Забрали паспорт, «пройдемте для выяснения». Правда, вежливо, без хамства.

– Повезло мне, что и говорить.

– Это судьба, – загадочно сказал он, и глаза его слегка за-

туманились.

– Андрон, а не выпить ли нам по чашке кофе, – предложила я, – а то я с утра не успела перекусить.

Эту просьбу он выполнил молниеносно, приняв ее за добрый знак, и через секунду уже кокетничал в коридоре с проводницей, отвлекая ее от плановой уборки.

Я действительно проголодалась, поскольку не ела со вчерашнего вечера. И как ни питательна каша, на два дня сытости от нее не растянешь, а до обеда было далековато. Не напрасно же я тащила с собой «сухой паек».

Когда Андрон вернулся в купе с двумя чашками кофе в руках и чуть не вылил их мне на колени, на столе на красивой салфеточке уже были разложены угощения.

Сосед во время завтрака ел за двоих, а болтал за троих, благодаря чему я узнала все подробности «ареста контрабандиста», после чего снова слегка подкорректировала свой имидж в сторону ужесточения и, оборвав его на полуслове, заявила, что мне захотелось вздремнуть.

– Что-то не спится, – сказала я уже через пять минут, и Андрон собирался было возобновить нашу беседу, но я не дала ему такой возможности.

– Пойду прогуляюсь, – зевая, сказала я, и не знаю, что он подумал, но не последовал за мной в коридор, чем меня сильно обрадовал.

Стоя у окна, я могла видеть каждого пассажира, выходящего из купе по той или иной надобности. А пассажиры уже

успели перезнакомиться между собой и разгуливали по всему вагону, словно у себя дома.

Через какие-то полтора часа я знала в лицо каждого, а с некоторыми даже перекинулась парой слов, мысленно делая пометки в громовском списке напротив каждой фамилии.

Те мужчины, которые пытались познакомиться со мной наиболее откровенно, почему-то вызывали у меня меньшее подозрение. Я не могла представить себе серьезного курьера, который бы искал дорожных приключений даже с такой красоткой, как я. В конце концов, у него было не менее серьезное задание, чем у меня, и если при этом у него еще могли возникнуть какие-то игривые мысли, то это должен был быть либо супермен в стиле Джеймса Бонда, либо отъявленный «павиан».

Не реагировали на меня, по понятным соображениям, в основном женатые мужчины, поскольку обе супруги не отпускали их от себя ни на шаг и сопровождали повсюду, вплоть до туалета.

«Транзитных» пассажиров я отгоняла от себя недоумевающим взглядом, не желая тратить на них энергию и время.

Так что на мое «расположение» могли рассчитывать только семь одиноких мужчин, включая моего лохматого художника. Но он всегда был при мне, к тому же настолько не вязался в моем представлении с потенциальным противником, что я оставляла его в списке только из любви к искусству.

Я привыкла с уважением относиться к своим противни-

кам. Несмотря на то что мы по разные стороны барьера, тем не менее оба были участниками одной и той же игры. И чаще всего я имела дело с игроками, не уступающими мне в силе и коварстве.

Поэтому больше всех меня заинтересовал солидный дядечка из третьего купе. Он значился у меня в списке как представитель серьезной фирмы и чем-то сильно напоминал Грома. Если бы я была кинорежиссером, то пригласила бы его на роль агента вражеской разведки.

Проходя мимо, он даже не взглянул в мою сторону, хотя чуть было не задел меня своим квадратным плечом. И, чтобы этого не случилось, я должна была вжаться в стенку и выдохнуть воздух.

Его звали Борисом Алексеевичем, мышцы его были обкатаны на дорогих тренажерах, а подбородок напоминал кирпич. И я мысленно поставила напротив его фамилии жирный восклицательный знак.

Кроме всех этих «улик», он делил купе с одним из «транзитных» пассажиров, тем самым, который должен был покинуть нас в Самаре, следовательно, был один. И в то же время ехал до Владивостока.

Поэтому я решила при первой же возможности познакомиться с ним поближе.

Два коммерсанта из четвертого купе тоже были у меня на подозрении. Но я так и не смогла понять, были они компаньонами или познакомились уже в поезде.

Они называли друг друга запросто: Толян и Санек, но это еще ни о чем не говорило. Они были похожи друг на друга и внешне, и особенно манерами, и я с первого взгляда окрестила их «шнурками».

Верткие, шустрые, такие мальчишки, не задумываясь, пойдут на любое сомнительное дело, чтобы «срубить» сотню-другую долларов. Они лениво подкатили ко мне и так же лениво откатили после того, как я отказалась сопровождать их в ресторан. Но они еще не проснулись как следует, а у меня еще было время, чтобы не бросаться на шею по первому требованию.

Более настойчив в своих предложениях был старый толстый «козел» из пятого купе. Он делил его с молодой сексапильной блондинкой по имени Стелла, под этим именем она фигурировала и в моем списке, так что скорее всего именно так ее и звали. Но, видимо, «козел» не добился от нее взаимности и теперь воспринял меня как последний шанс.

По габаритам он не уступал Борису Алексеевичу в основном за счет живота. Этим самым пузом он скользнул по моей спине, проходя мимо, и, видимо, ему это понравилось.

– Владимир Иванович, – масляно улыбнулся он, представляясь, и не добавил ничего, но мне уже было известно, что он как раз и представлял в моем списке ту самую администрацию, хотя и районного масштаба.

Имидж «нимфы» явно пришелся ему по вкусу, и он даже зачмокал от удовольствия своими мокрыми губами, но, вый-

дя из купе по срочной надобности, он не мог задерживаться около меня дольше отпущенной ему физической возможности.

Когда он вернулся в коридор с улыбкой облегчения, то застал рядом со мной Тимофея из восьмого купе и натужно закричал от досады.

Тимофей, работник порта, возвращался домой из Харькова. Это был неглупый мужик, из тех, про которых говорят: себе на уме, которого при желании можно было бы назвать делягой, такое он производил впечатление; но с тем же успехом заслуживал звания «толкового специалиста», а скорее всего сочетал в себе качества и того, и другого. То есть был незаменим на работе и себя в обиду не давал.

Он позволял общаться с собой при минимальной собственной инициативе, и не более. При этом не старался произвести впечатление и этим располагал к себе. Я бы в качестве соседа по купе предпочла его своему художнику, потому что он хотя бы не раздражал меня и не надувал губки, будучи отвергнут в качестве собеседника.

С точки зрения участия Тимофея Георгиевича в моем задании я не исключала такого варианта, при условии, что эта услуга была бы ему хороша оплачена. И постаралась произвести на него приятное впечатление, которое бы не исключало продолжения знакомства. Он реагировал на меня как на интересную женщину, но делал это настолько спокойно и с достоинством, что это не бросалось в глаза.

В одном купе с ним ехал «представитель банковского капитала», в котором без труда угадывался бывший комсомольский работник. Еще довольно молодой, но уже с брюшком, холеный молодой человек с капризно оттопыренной нижней губой, распространяющий вокруг себя запах дорогого одеколона. Его я видела только мельком по пути в туалет и обратно. Он чувствовал себя в поезде раскованно и свободно, позволяя себе разгуливать по вагону в одной белой майке, несмотря на нескладную фигуру. Если бы это создание оказалось тем самым курьером, я с удовольствием размазала бы его по стенке.

Особого разговора заслуживала сексапильная Стелла. Мне о ней ничего не было известно, кроме того, что она проживала на Украине, куда и зачем она ехала так далеко, было совершенно непонятно, но, судя по ее шустрым голубым глазкам, она своего не упустит, поэтому я и с ней собиралась поболтать при случае.

Первое и девятое купе занимали супружеские пары, одна из которых состояла из довольного собой и своей молодой женой работника автосервиса; вторая же «челночила», что бросалось в глаза по количеству сумок и тюков в их купе, и, видимо, неплохо при этом зарабатывала, поскольку большинство их «коллег» предпочитало ехать классом ниже.

Семейные пары ходили друг к другу в гости и то угощали друг друга, то играли в картишки в подкидного дурака, делая все это с огромным удовольствием. За время моего на-

блюдения мужчины только раз вышли покурить в тамбур и там продолжали обсуждать свою игру. И это лишний раз заставило меня поставить мысленно жирный минус против их фамилий в моем списке.

Таким образом, я познакомилась со всем населением вагона СВ и имела теперь о каждом некоторое представление.

* * *

Андрон перед обедом выскочил на узловой станции и вернулся обратно с довольным видом. По тому, как оттопыривался внутренний карман его джинсовой куртки, я догадалась о причине его оживления.

Сильно потратившись на СВ, он сэкономил теперь буквально на всем. На столе в купе у него лежала пачка «Мальборо», а в кармане – пачка «Астры». «Мальборо» он угощал Стеллу и сам курил ее при ней, во всех остальных случаях предпочитал сигареты «покрепче», то есть подешевле. Судя по тому, как он набросился на мой «сухой паек», я сделала вывод, что он питался один раз в день, когда официантка приносила в купе обед, стоимость которого входила в стоимость билета.

Вот и сейчас он приобрел бутылку в каком-нибудь ларьке на перроне и радовался тому, что сэкономил на этом какую-нибудь десятку.

Когда нам принесли обед, Андрон красивым жестом до-

стал из-под стола бутылку дешевого греческого спирта.

– Коньячку? – спросил он с таким видом, как будто это был коллекционный коньяк из собственных подвалов.

– Спасибо, что-то не хочется, – отказалась я, не вдаваясь в причины отказа.

– А я люблю иной раз, – и тут же налил себе полстакана и с блаженным выражением лица выплеснул себе в рот это пойло.

Он повторял процедуру каждые полчаса и становился благодаря вливанию все разговорчивее. Мне, в конце концов, все надоело, и я оставила его с бутылкой наедине.

* * *

Ресторан по сравнению с нашим вагоном представлял собой довольно убогое заведение, но, видимо, пользовался успехом у моих спутников. Во всяком случае, я заметила несколько знакомых лиц, и мое появление не прошло для них незамеченным.

Первым ко мне направился старый «козел», но дорогу ему перешел один из шустрых коммерсантов из четвертого купе.

– Остынь, – бросил он пузатому администратору, и тот вернулся за свой столик с обиженным видом.

Не успела я понять толком, Санек это был или Толян, поскольку оба, судя по всему, так и просидели здесь с самого утра и теперь совершенно не отличались друг от друга, и я

бы рискнула побеседовать с ними о том о сем, согласившись присесть за их стол, но судьба в лице Бориса Алексеевича распорядилась иначе.

– В чем дело? – произнес он таким низким голосом, что полресторана повернули головы в нашу сторону. – Девушку в ресторан пригласил я.

И «Толян-Санек» номер один предпочел оставить без ответа его вопрос, продемонстрировав Борису Алексеевичу свои пустые ладони, почти на цыпочках вернулся к «Толяну-Саньку» номер два.

Это было уже интересно, и я с улыбкой последовала за своим «защитником».

– Мы, кажется, не знакомы? – спросила я, усаживаясь за его столик.

– Борис Алексеевич, в перспективе – Борис, – представился он. – Что будете пить?

– В таком случае – Юлия Сергеевна, в прошлом – Юля, – ответила я с улыбкой. – Пить буду то же, что и вы, но в два раза меньше.

Мой ответ удовлетворил его, и он, кивнув в знак одобрения, подозвал официантку, сделал заказ, после чего вновь обратился ко мне:

– Думаю, вы не очень расстроены тем, что я отпугнул этих «шнурков»?

Он употребил то же слово, что и я несколько минут назад по отношению к тем же самым людям.

«Только телепата мне сейчас не хватало! – подумала я. – Или это простое совпадение?» Но ответила иначе:

– Думаю, что они забудут об этом через полчаса, если уже не забыли.

К нам подошла официантка с бутылкой шампанского и маленьким графинчиком коньяку, поставила на стол, потом отошла на минуту и вернулась с шоколадом и орешками.

– Вы пообедали? – спросил Борис Алексеевич.

– Да.

– В таком случае, – он взял в руку бокал с шампанским, – за успех вашего предприятия!

– Взаимно, – улыбнулась я, хотя меня насторожил этот тост.

Он отпил из бокала несколько глотков и поставил его.

Я смотрела на него и пыталась понять, в какую игру он со мной играет. Что означал его тост? И его странное представление: «В перспективе – Борис». Что это – наглость, самоуверенность или просто шутка? Поначалу я приняла эти слова за шутку, и довольно удачную, но если он на полном серьезе считает себя суперменом, то от него можно ожидать любых неприятностей.

– Я не хотел вас напугать, – улыбнулся он, будто читая мои мысли.

Если он хотел выбить меня из колеи, то это ему почти удалось. Во всяком случае, я уже перепутала все свои «маски» и напоминала сама себе первокурсницу, которой на экзамене

по математике задали вопрос о смысле жизни.

– Вы очень добры, – ответила я, не отводя взгляда.

– Не очень и не всегда.

– Люди – не ангелы, но не слишком ли круто для первого тоста?

– Слишком, – согласился Борис Алексеевич. – Отложим этот вопрос до второго.

Он еще раз улыбнулся, взял в руку бокал и стал пить шампанское маленькими глотками.

«Что бы сделал сейчас на моем месте Гром?» – подумала я, потому что задаю себе этот вопрос всякий раз, когда не нравлюсь себе.

А в эту минуту я себе совершенно не нравилась.

Но вряд ли Гром мог оказаться на моем месте, и вряд ли Борис Алексеевич разговаривал бы с ним в подобном тоне.

Он допил шампанское и налил себе полную рюмку коньяку, а мою наполнил ровно наполовину.

Судя по запаху, коньяк был очень хороший.

– Давайте выпьем за первое впечатление, которое никогда не обманывает, – предложил он и пододвинул ко мне шоколад.

– А оно никогда не обманывает? – спросила я.

– Очень редко.

– Тогда за него, – согласилась я и вспомнила о том впечатлении, которое поначалу произвел на меня он сам. Судя по тому, что я сравнила его с Громом, – лучше не бывает.

— О работе говорить не будем, — тем временем сказал он, — так о чем же нам поговорить? О погоде? — Он посмотрел в окно. — Но погода самая обыкновенная. Что вас интересует?

— Как найти иголку в стогу сена, — неожиданно для себя сказала я.

— Сев на стог, если не боишься уколиться, — серьезно ответил он. — Но, если иголка необходима, — другого пути нет.

Я не понимала, что имеет в виду Борис Алексеевич, но в моем случае я не просто села на стог, а увязла в нем по самое горло и теперь не знала, как из него выбраться. И хоть иголки пока не предвиделось, чувствовала я себя в этом стогу неважно.

— А почему вы пригласили меня за свой стол? — спросила я, утомившись от иносказаний. Есть такие люди, которые не находят прелести в нормальном разговоре и предпочитают язык символов и второго смысла. Я не принадлежу к их числу, может быть, мне не хватает для этого утонченности.

— Просто потому, что вы мне понравились, — словно угадав мои мысли и на этот раз, очень просто ответил Борис Алексеевич. — А мне не нравится, когда к симпатичному мне человеку подходит пьяная шушера. А еще потому, что я очень много работаю в последнее время и впервые за много месяцев получил возможность посидеть в ресторане, поговорить ни о чем и наблюдать, как мои слова отражаются на лице хорошенькой девушки, от которой мне ничего не надо, кроме того, чтобы она сидела со мной за этим столом и время от

времени задавала мне милые вопросы. Именно для этого я поехал поездом и теперь очень рад, что не полетел самолетом. Разрешите и вам задать вопрос?

– Пожалуйста.

– Что привело вас в этот ресторан?

– То, что мой сосед по купе уже выпил свою бутылку спирта, – рассмеялась я, – а в коридоре стоять неинтересно. А что бы вы делали, если бы я не пришла?

– Разговаривал бы вон с тем толстым человеком, который не сводит глаз с вашего затылка, и проклинал бы себя за то, что не полетел самолетом.

Слово за слово, мы разговорились и говорили теперь и о погоде, и о птичках, и о чем угодно, и разговоры эти уже не тяготили меня. Борис Алексеевич оказался очень милым собеседником, угостил меня ужином и, проводив до купе, пожелал мне спокойного вечера.

Мой сосед опять дрых без задних ног, к счастью, на своей полке. Я включила кондиционер и присела к столу. Первый день моего путешествия подходил к концу, и мне хотелось подвести его предварительные итоги.

Я решила не распыляться на весь «личный состав» вагона и сосредоточиться на двух наиболее знакомых мне мужчинах, один из которых спал теперь над моей головой, а со вторым меня угораздило провести весь вечер в ресторане.

При этом мой сосед был уже знаком мне, как старые домашние тапочки; Борис Алексеевич же по-прежнему пред-

ставлял для меня уравнение со многими неизвестными, причем количество неизвестных росло по мере нашего знакомства.

Но тем не менее мне предстояло примерить на каждого из них «костюмчик» японского курьера и определить, насколько он впору одному и другому.

Андрон, по моему разумению, мог стать таким курьером по глупости. Его просто-напросто могли за бутылку попросить передать «посылочку» до «Владика». Такая форма пересылки все еще популярна у нас в народе, несмотря на растущее друг к другу недоверие. Мне и самой не раз приходилось выполнять эту роль и перевозить из города в город свертки и ящики.

В этом случае Андрон и понятия не имеет, что за папка или коробочка лежит у него в сумке, и передаст ее, не испытывая никаких угрызений совести любому адресату.

Услугами подобных курьеров часто пользуются наркоманельцы, и ни о чем не подозревающие граждане «на голубом глазу» переносят наркотики по «зеленому коридору». Хотя такой способ всегда связан с определенным риском, так как посылочка в этом случае рискует быть украденной или попросту потерянной. Курьер не представляет себе ее ценности и относится к ней довольно легкомысленно. Тем более что в данном случае потенциальный курьер любил «иной раз» употребить чуть ли не целую бутылку спирта в одиночестве, в чем я убедилась, обнаружив под столом остатки былой рос-

коши моего соседа по купе.

Наученный многолетним опытом, он предусмотрительно оставил себе на утро граммов сто сомнительного напитка. Следовательно, принял на грудь более шестисот.

Мне это было на руку: Андрон спал крепким сном невинного младенца, и я могла, ничем не рискуя, убедиться теперь в его «невинности». Сумка Андрона находилась в недрах моей полки, и, достав ее оттуда, я изучила ее во всех подробностях, по всем правилам «досмотра». Эти правила исключали возможность пропустить любой предмет, каким бы крохотным или замаскированным он ни был. А училась я хорошо, и мои педагоги поставили бы мне теперь «отлично».

На самом дне сумки я обнаружила около двухсот долларов, но это скорее всего были остатки гонорара за выполненную в Харькове работу, то есть были честно заработанные Андроном. И мне оставалось только пожалеть наших творческих работников, которые продают свой талант за такие ничтожные суммы.

Я аккуратно завернула их в тот же листочек и уложила вещи в том же порядке, вернее беспорядке, в котором они были навалены в сумку до меня.

Следом за сумкой с той же скрупулезностью мной были обследованы куртка, брюки и даже обувь Андрона, хотя четырехста грамм туда при всем желании не поместишь. У кого-то подобная деятельность может вызвать на лице гримасу отвращения и брезгливости. Но это их личное дело, у каж-

дого своя профессия. Врачи, например, заглядывают и в более интимные места, и это никого не шокирует.

На все это у меня ушло чуть более получаса, и в результате я могла быть уверена, что рядом со мной находится честный российский гражданин, не запятнавший своей совестью связями с иностранной разведкой. И у меня не могло быть к нему никаких претензий, даже если «иной раз» он и выпьет лишнего.

Оборотной стороной моего открытия было то, что теперь этот гражданин не вызывал у меня никакого интереса, и поэтому «сожительствовать» с ним в одном купе не имело смысла. И об этом следовало подумать не позднее завтрашнего утра.

Я достала из сумочки свой список и с чистым сердцем вычеркнула оттуда своего соседа. В списке потенциальных курьеров оставалось, таким образом, одиннадцать человек.

Мне предстояло обмозговать вторую кандидатуру на роль «резидента», и от одной мысли об этом портилось настроение. Мало того что Борис Алексеевич был мне на этот момент симпатичен, такое случалось в моей практике, и только в старых добрых фильмах шпионы, как правило, отличаются отталкивающей внешностью и отвратительными манерами. В жизни чаще бывает наоборот.

Хуже было то, что за несколько часов общения я не узнала о своем собеседнике ничего, кроме того, что он, безусловно, очень умный, наблюдательный, тонкий и волевой человек.

Этот «джентльменский набор» желателен для друзей и очень опасен у врагов. И если курьером является именно он, то справиться с ним будет не так-то просто.

А я вполне допускала, что он может оказаться моим противником, тем более в наше время, когда словосочетание «иностранная держава» уже не является синонимом «потенциального противника», а наши президенты уже давно встречаются «без галстуков».

Я ни в коем случае не оправдываю шпионов, но во времена, когда некогда абсолютно секретная космическая промышленность в основном выполняет заказы самых некогда опасных «держав», а наша армия проводит с ними совместные учения, определить границы сферы интересов нашей страны с каждым годом становится все труднее. А как совместить иностранные инвестиции с промышленным шпионажем – даже для меня порой представляет собой неразрешимую загадку.

В результате самый неглупый человек может легко найти себе оправдание и пойти на сотрудничество с теми или иными службами ближнего или дальнего зарубежья.

Моя подруга детства уже несколько лет проживает в Израиле, ее родная сестра – в Америке, а ее бывший муж – в Испании. Вот и поди тут, разберись!

То, что я в первый же вечер познакомилась и провела с Борисом Алексеевичем несколько часов – уже было с моей стороны непростительной ошибкой. Если он воспримет на-

ше знакомство всерьез, то познакомиться с кем-то другим поближе будет уже довольно трудно, в чем я сегодня смогла убедиться в первые минуты нашего знакомства. Его недвусмысленный вопрос: «В чем дело?» отбил желание сделать это не только у Толяна с Саньком, но скорее всего и у всего мужского населения поезда.

Тем не менее я не считала свою работу на сегодняшний вечер законченной, несмотря на то что время было довольно позднее и через несколько минут ресторан заканчивал свою работу.

Толян с Саньком с минуты на минуту должны были появиться в своем купе, и попытка познакомиться с их багажом уже представляла собой опасность. Но, кроме них, у меня было еще девять потенциальных клиентов, и не все они еще спали.

* * *

Волею случая я оказалась в первом купе, поскольку не успела выйти в коридор, как повстречалась с «челноками». Их постоянные партнеры по карточной игре уже легли спать, и они пригласили меня составить им компанию.

Я знаю довольно много карточных игр, но «подкидной дурак» никогда не привлекал меня – даже в детстве. Он всегда казался мне довольно примитивной игрой. А при хорошей памяти к тому же и бессмысленной. Запомнить тридцать

цать шесть карт не составляет для меня большого труда, а следовательно, результат игры чаще всего зависит от того или иного расклада, если не допускать элементарных ошибок или во что бы то ни стало не пытаться вручить противнику «погоны» в последнем ходе.

Семен, а именно так звали главу этого милого семейства, явно злоупотреблял этими самыми «погонами» и не испытывал никакой радости, если выигрывал без них. Поэтому чаще всего выигрывала я, несмотря на то что мне приходилось совмещать свою игру с целенаправленной беседой.

И Семен, и его жена Тамара не отказывали себе в удовольствии поболтать за игрой обо всякой всячине, но если для них этот разговор был легким «трепом», то для меня он был основной целью моего к ним визита. И не так-то просто было вытащить из них максимальную информацию, не вызвав никаких подозрений.

В паузах между конами я убедилась в том, что их купе было набито сумками от пола до потолка, и Семен с гордостью поведал мне, что на этот раз им удалось провезти с собой целых четырнадцать «мест». И даже самый поверхностный «досмотр» их поклажи занял бы у меня не меньше трех часов. А если учесть, что большая часть «мест» была упакована крепко-накрепко и перевязана тугими веревками, то это исключало даже самую возможность познакомиться с содержимым их тюков и сумок. Ко всему прочему, Семен с Тамарой никогда не оставляли вещи без присмотра и почти не

покидали своего купе.

К концу вечера я имела представление об их «бизнесе», ассортименте товаров, а также выяснила, что и Семен, и Тамара терпеть не могут как японцев, так и китайцев, предпочитая их полякам, с которыми имели дело раньше, но одно воспоминание об этом способно было испортить им настроение.

У них же я выяснила, что вторая супружеская пара в нашем вагоне была молодоженами. И Семен неоднократно подчеркивал это в разговоре, недвусмысленно намекая на причину их раннего «отбоя». Сережа с Любой, так звали молодоженов, совершали теперь что-то вроде свадебного путешествия. В свой медовый месяц они решили навестить Любиных родителей, проживавших где-то рядом с Владивостоком.

Пару раз Семен выходил покурить и сокрушался, что я не могу составить ему компанию. Тогда мы с Тамарой оставались с глазу на глаз, но без своего благоверного она тут же переводила разговор на чисто женские темы. В основном ее интересовали дела сердечные, и я вынуждена была придумать пару душещипательных историй из своей жизни, чтобы удовлетворить ее любопытство. Когда Семен возвращался, я вздыхала облегченно, и мы переходили на менее интимные и более интересные для меня темы.

Но, пожалуй, самым интересным, что мне удалось узнать, было то, что они едут на этом поезде не первый раз, но рань-

ше доезжали только до Благовещенска, а теперь, по совету одной своей знакомой, впервые едут во Владивосток, надеясь на большие барыши.

Мы сбились со счета, Тамара начала клевать носом и забывать козыри, когда Семен наконец согласился закончить игру и отпустить меня с миром.

Во сне мне снились подкидные дураки и подкидные дуры.

Глава 3

Утром я покормила голодного художника в последний раз, но он еще об этом не догадывался и проникся ко мне высокими чувствами, а после того как похмелился и его глаза вновь заблестели, эти чувства грозили перерасти в нежные, но я опять его разочаровала, так как еще вчера твердо решила с самого утра поменять партнера.

Передо мной теперь стоял выбор, какое купе мне предпочесть. Можно было бы поменяться со старым «козлом», но тогда я обрекла бы себя всю оставшуюся дорогу провести с сексапильной Стеллой, а пока я ничего хорошего про нее не знала, впрочем, как и ничего плохого, но у этого варианта был один существенный недостаток. Даже два. Один заключался в том, что мне тогда будет трудно познакомиться и провести наедине достаточное количество времени с кем-нибудь из мужчин. Вторым недостатком был бы тот, что купе у нас в этом случае становилось чисто женским, и избежать визитов мужских парочек было довольно трудно. Во всяком случае, Толян с Саньком тут же попытались бы его «оккупировать».

Разбивать супружеские пары я не собиралась, поэтому у меня оставался единственный приемлемый вариант – восьмое купе. И если бы мне удалось сплавить оттуда к Андрону «банкира» Гену или «Золотого работника» Тимофея Ге-

оргиевича я получила бы одного из них в долговременное пользование. Ни тот ни другой не злоупотребляли пока посещением ресторана, а обмен любезностями в тамбуре меня совершенно не удовлетворял.

И я уже подумывала, каким образом мне повернуть это дельце, когда мне помог неожиданный случай.

Тимофей Георгиевич за двое суток пути заскучал без работы и теперь слонялся по коридору, не зная, чем себя занять.

Я могла его понять. Человек, привыкший к напряженной ежедневной работе, с трудом переносит вынужденное безделье. Чтение художественной литературы и иллюстрированных журналов, по-видимому, не могло удовлетворить этого трудоголика, во всяком случае, двух суток ему вполне хватило, чтобы вкусить этих прелестей, и, судя по выражению его лица, у него уже зубы сводило от детективов и в глазах рябило от кроссвордов.

На ту беду, ему попался сверкающий глазами Андрон, и они, встретившись в тамбуре, курили там с полчаса и, видимо, сумели договориться. Во всяком случае, они на некоторое время исчезли из вагона, а потом снова в нем появились с целеустремленным видом. Теперь у них было дело, и они приступили к нему незамедлительно.

Тимофей сбегал в свое купе за закуской, и, зайдя к ним через несколько минут, я застала их сидящими за бутылкой и с аппетитом закусывающими огурчиком.

Они смутились при моем появлении и не знали, как поступить. Зато я прекрасно знала, что нужно делать в таких случаях.

– Извините, мы тут решили немного закусить, – промямлил с печальным лицом Андрон.

– Что вы, что вы, – предупредила я движение совестливого Тимофея, который даже поднялся со своего места при моем появлении, – вы мне нисколько не мешаете. Я тут посижу с краешку, почитаю. Кушайте на здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.